

Санкт-Петербургский научный центр РАН
Международная школа социологии науки и техники
Фонд им. Ф. Эберта

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЭЛИТЫ

Материалы к международному симпозиуму
Санкт-Петербург
25—26 июня 1997 г.

Издательство
"ПИЛИГРИМ"
Санкт-Петербург
1997

С 98 - 03730

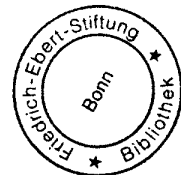
Санкт-Петербургский научный центр РАН
Международная школа социологии науки и техники
Фонд им. Ф. Эберта

social'nye i politicheskie orientacii
**СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОРИЕНТАЦИИ** *Санкт-Петербургской элиты*
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЭЛИТЫ

Материалы к международному симпозиуму
Санкт-Петербург
25—26 июня 1997 г.

Составители С. А. Кутель, И. Г. Васильев
Под общей редакцией С. А. Кутеля

Sostaviteli S. A. Kutel' ...

Издательство
"ПИЛИГРИМ"
Санкт-Петербург
1997

12 dat
"Piligrim"

C 98 - 03730

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЭЛИТА: КАК ОНА ВИДИТ СЕБЯ И КАК ОНА СМОТРИТСЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ.....	3
В. Б. Голофаст. СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЭЛИТ.....	4
В. Я. Гельман. КОНСОЛИДАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ И МЕСТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: СЛУЧАЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.....	8
А. А. Вейхер. СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ И ПОПОЛНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ.....	11
А. С. Быстрова. БЫВШИЕ ПАРТИЙНЫЕ ФУНКЦИОНЕРЫ СРЕДНЕГО УРОВНЯ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ И БИЗНЕС-ЭЛИТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.....	13
И. Г. Васильев. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА: УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРУКТУРНОГО КРИЗИСА.....	16
А. А. Сарно. ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ И ФИРМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.....	18
А. В. Дука, А. В. Чугунов. КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПРЕССЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ЭЛИТЫ.....	21
И. Э. Барский. ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ.....	24
С. А. Кутель. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ.....	27
А. С. Кармин. СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ.....	29
В. М. Ломовицкая, Т. А. Петрова. НАУЧНАЯ ЭЛИТА: СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ.....	31
О. М. Зусьман, Т. В. Захарчук. ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ.....	33

ВВЕДЕНИЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЭЛИТА: КАК ОНА ВИДИТ СЕБЯ И КАК ОНА СМОТРИТСЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

Проблема элит все больше привлекает внимание социологов, политологов. Это объясняется как тем, что ранее эта тема была "закрытой", так и процессом трансформации старых элит и возникновением новых элит, оказывающих все более заметное воздействие на все стороны общественной жизни. Элита неоднородна по сферам деятельности. Различают экономическую, политическую, интеллектуальную, военную и другие элиты. По уровням — центральную (федеральную) и региональную. Ранее ВЦИОМ было проведено исследование по стране в целом, специально проведены аналогичные исследования в ряде регионов. Какова же она, Санкт-Петербургская элита, элита второй столицы, города контрастов? Какими качествами она обладает, из кого сформировалась? Каковы ее социальные и политические ориентации, почему именно из нее вышла значительная группа федеральной элиты? Этой теме посвящен международный симпозиум, который проводится в июне этого года в Санкт-Петербурге в рамках 10-й сессии Международной школы социологии науки и техники. Его организовали Санкт-Петербургские академические структуры при участии Фонда им. Ф. Эберта (Германия). На симпозиуме рассматриваются общие процессы трансформации элиты в Санкт-Петербурге, особенности изменения финансово-экономической, политико-административной и интеллектуальной элит Санкт-Петербурга, их социальные и политические ориентации.

На симпозиум приглашены видные политические деятели, крупные банкиры, директора предприятий, сумевших адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, ученые с мировым именем, ректоры престижных вузов. Их "исповедь" будут анализировать известные Санкт-Петербургские социологи и психологи.

Участие в симпозиуме столичных и зарубежных социологов позволит более широко взглянуть на устремления Санкт-Петербургских элит, понять, что может ждать от них общество, чего они хотят от государства.

Такой симпозиум проводится в Санкт-Петербурге впервые; организаторы симпозиума хотели бы способствовать взаимопониманию различных групп элиты, что необходимо для развития нашего города как научно-промышленного, культурного и финансового центра.

Председатель оргкомитета
С. А. Кутель

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЭЛИТ

1. Природа социальной ориентации

Положение о социальной природе человека является стандартным постулатом, триумфом современной социологии. В нем можно выделить два основных аспекта. Во-первых, становление личности в процессе социализации, то есть тот факт, что вне общества человек не может стать общественным, моральным, деятельным, вменяемым, нормальным существом. Во вторых, общественную ориентацию в каждый данный момент и на протяжении всей жизни, на разных этапах жизненного цикла — в детстве, молодости, в зрелые годы, в старости, или в различных ролях, в сферах или подпространствах общественной жизни, включая историю и культуру, природу и техносферу современности, экономику, политику, занятость или досуг.

Общественная ориентация имеет объективный и субъективный характер и обеспечивается соответствующими социально-культурными механизмами. Объективно человек ориентирован так, как его направляют господствующие социальные институты (в зависимости от его статуса в их структуре и выполняемых социальных ролей). Субъективно он ориентирован на основе жизненных мотивов, ценностей и убеждений, которые черпает из господствующей идеологии и культуры и вырабатывает сам в своем жизненном опыте. Итак, объективный компонент социальной ориентации задается социальной структурой, а субъективный — массовой социальной психологией с участием самого человека и в том, и в другом плане (хотя силы индивида почти несоизмеримы с силами общественной системы).

Теперь о контрасте классовой и демократически организованной общественной системы. В период бурного классового образования, когда классовые конфликты носят хронический, застойный характер, индивиды разных классов ориентируются различно и в объективном, и в субъективном планах. Общество балансирует на грани дезинтеграции, и это проявляется в расхождении социальных ориентаций. Их почву образуют история, нравы и традиции, несовместимые идеологии и учения, классовые системы институтов, различие жизненных ситуаций и стилей жизни.

В тоталитарном обществе различия погашаются системой власти, а система властного насилия и пропаганды стремится унифицировать ориентацию всех элементов, кроме самой власти.

Иначе обстоит дело при демократии, базирующейся на фундаменте относительного консенсуса в политическом пространстве. Когда дамоклов меч насилия перестает иметь решающее значение, социальная ориентация начинает формироваться спонтанно, объективно, с учетом культурно-исторических предпосылок. Особое значение для формирования социальной ориентации начинает иметь позиция властных и функциональных элит.

2. Социальная ориентация в демократизирующейся России

В сущности, в своей позитивной установке текущие экономические реформы делают ставку на социальное неравенство, при котором состоятельные классы, их уровень благосостояния и культуры становятся ориентиром и образцом для прочих членов общества. Новые сектора экономики имеют сегодня заметные преимущества в доходах перед традиционными секторами, как следствие реформистских начинаний государства. "Новые" коммерсанты и предприниматели, банкиры и шоумены, а также верхушка госаппарата в центре и на местах экономически оказываются в весьма привилегированном положении, используя легальные и полулегальные возможности экономической свободы и рычаги манипулирования общественными ресурсами в личных или (много реже) корпоративных интересах. Конечно, пройдет еще некоторое время, прежде чем сформируются устойчивые личные богатства и капиталы, прежде чем состоятельный класс обретет солидарность и безусловно узнаваемый стиль жизни. Пока же в стиле "новых русских"

заметны черты показного потребления. В этом проявляется недостаток символического капитала, а также трудности формирования социальной мотивации предпринимательства как граждански ответственной и одобряемой, а не полукриминальной деятельности.

В условиях сильной дифференциации богатства и бедности при демократической организации общества особенно важен вопрос, откуда возникает понимание долга, обязанности, на чем держится мораль самых важных групп общества. Мотивация и мораль элит не просто образец для подражания. Если они принимаются обществом, если стремление занять место наверху становится стимулом жизни, а достижение элитного статуса находит оправдание, исчезает основа для общественного раскола и противостояния. Общество ориентируется как гармоничное целое вдоль осей социально-экономической стратификации, моральный порядок общества приобретает устойчивость и единство.

Идеология рыночной экономики развивалась столетиями под флагами либерализма и экономического индивидуализма. Вплоть до нашего времени казалось, что эти принципы имеют безусловный, устойчивый, программный характер.

Они принимаются, так или иначе, и в логике современных реформ в России. Ревностные сторонники этой идеологии даже считают, что она имеет всеобщий, универсальный характер, хотя ее секторальное положение (как стимула экономической активности по преимуществу и прежде всего) несомненно.

3. Социальная ориентация, история и социологические классики

Этика индивидуализма, освобождая каждого человека от сверхлояльности к ближайшему своему окружению и подчеркивая мотивирующую силу эгоизма, отсылает, в конечном счете, все вопросы о социальной природе человека к трансцендентальным структурам религиозного обоснования морали. Для западной мысли, особенно в контексте господствовавших в XIX веке биологических аналогий, эгоизм индивидуального поведения представлялся очевидной основой, и проблемой как раз оказалась историческая динамика социальной ориентации. Как известно, на долгие десятилетия господствующей и наиболее популяризируемой версией решения подобных вопросов стала идея М. Вебера, связавшего социационизм мотивации с возникновением протестантского аскетизма.

Проблема мировоззренческой приемлемости экономического индивидуализма в контексте эволюции христианской догматики вытесняла вопросы о природе социальной ориентации. Общество, а тем более государство, превращалось в досадный, но не принципиальный, подлежащий минимизации, недостойный внимания факт. Личные интересы не простирались дальше актуально установленных контрактов, будь этот контракт брачным, торговым или гражданским. Универсализм экономического индивидуализма оборачивался социальным сектантством (правила честности для вступивших в контракт). Об этом см. (1), (2), глава 2.

Религиозное сектантство, согласно М. Веберу, освобождало человека в институциональной структуре раннекапиталистического общества и даже давало религиозную санкцию его экономическим успехам. По мере секуляризации (рационализации) общества сектантские модели ориентации отступали в тень, расчищая место борьбе за экономический статус и свободы, за положение в административно-бюрократической иерархии бизнеса и государства. Социальное сектантство в политической идеологии демпфировалось принципами плюрализма и терпимости.

Иначе подходил к истории и динамике капитализма К. Маркс. Классовые конфликты подрывают единство общественной системы и делают социальные ориентации представителей разных классов не только противоположными, но и несоизмеримыми. Восстановление единства общественной ориентации и исторической перспективы К. Маркс искал в позиции одного класса. Такой ход мысли как теперь ясно, был проявлением логики несоизмеримости классовых позиций эпохи.

Одновременно с М. Вебером и не вступая в прямую полемику с К. Марксом, пытался строить свою концепцию Э. Дюркгейм, который начал научную карьеру с заботы о широком распространении моральной дезориентации (аномии). В его типологии общественной солидарности решающее значение имели эпохи общественного разделения труда, которое само по себе, считал Э. Дюркгейм, как фундаментальный механизм, гарантирует и форму, и направление социальной интеграции. Э. Дюркгейм при этом надеялся, что нормы профессиональных сообществ обеспечивают удовлетворительную социальную ориентацию в масштабах общества. Такое решение оказалось теоретически не полным. Истоки морального порядка Э. Дюркгейм позже тоже искал в элементарных

формах религиозной жизни. Дюркгеймовские идеи подхватил М. Мосс ("Эссе о даре"), изучавший обмен и взаимность как механизмы социально-культурной интеграции, и К. Леви-Стросс (значение форм брака, родства и фундаментальных символических структур).

Экспансия рыночно-демократических моделей сегодня представляется неукротимой, а конфликты и противоречия, которые она порождает, вторичными и преодолимыми. Важно, что со временем меняется обоснование социальной ориентации в рыночно-демократических системах.

При всем различии в подходах сегодня несомненна роль правящих элит в поддержании базисных социальных ориентаций (в чем проявляется сила современного государства и его аппарата), равно как и роль функциональных культурных элит в их выборе, обосновании и распространении в обществе.

4. Современное многообразие социальных ориентаций

Уже Веберу было ясно, что существует целый спектр культурных решений нейтрализации, укрощения эгоизма, обусловленных культурными конфигурациями морали.

Современный мир знает многие формы симбиоза и синтеза традиционных и современных, дореволюционных, религиозных и секулярных версий базисной социоцентрической мотивации, способствующих развитию, а не только стоящих на его пути преградой. Если эволюция социальности состоит не столько в разрушении локальных форм культуры, сколько во включении их во все более широкий (вплоть до глобального) контекст развития, значит, универсализация морали происходит здесь и сейчас, в большом и малом социальном мире, а не за его пределами. Даже аскетизм представлен не только в религиозных, но и в секулярных версиях в реальном калейдоскопе культурных конфигураций (националистические движения, эпоха господства идеи мировой революции, сайентистские, экологические и космические ориентации и др.). Конечно, базисные мотивации зависят от идеологий или даже направляют их, т.е. могут выступать в консервативном или даже архаичном обрамлении.

Так, мотив индивидуального или коллективного спасения принимается не только многими религиями, эзотерическими сектами и закрытыми светскими клубами. По существу идея коллективного спасения поддерживала гонку ядерно-ракетных вооружений на обоих полюсах противостояния, оправдывая как привилегии ВПК, так и индивидуальные жертвы в самых разнообразных обстоятельствах.

Со времен победы во второй мировой войне сохранял свою силу и имперский мотив: универсальной ответственности за все в мировой геополитике, всепроникающих интересов и защиты некоторых универсальных ценностей (свобода, достоинство, жизнь и права подданных). Между тем, универсализация ответственности, интересов или гарантирующих претензий любых инстанций — это и есть неограниченность имперского импульса, проявляется ли он со стороны государств, конфессий, национальных лидеров или других практических или исторически ограниченных сил.

Мотив семейного счастья широко используется право-консервативными силами во многих политических системах почти на всех континентах. Как исходная посылка или, напротив, конечный, предельный аргумент, этот мотив особенно удобен в эпоху массового потребления. Выпячивая на первый план средний уровень жизни семьи, этот мотив ослабляет любые аргументы в пользу социальной политики, централизации или локальной, либо секторальной (в том числе латеральной) интеграции, которые интерпретируются как очевидные коллективные жертвы.

Прямо или завуалированно призывают к жертвам все националистические идеологии, хотя на поверхности они провозглашают защиту привилегий национального статуса или требуют его относительного повышения за счет других, либо обещают реальное или мифическое избавление от тягот статус-кво.

Пожалуй, наиболее привлекательной из всех секулярных идей до сих пор остается британско-скандинавская идеология достойной жизни для каждого члена общества, вне зависимости от прочих условий. В эпоху государства благосостояния она позволяла интегрировать многие (некоторые утверждают, все) противоречивые общественные ценности и мотивы. Вариантом этой идеи является германская концепция "социальной экономики".

В структуре коллективной жизни ценности экономического индивидуализма сохраняют регулирующую силу в приватном или корпоративном мире, не претендуя на вытес-

нение базисных ориентаций и не ставя под вопрос их стратегическое положение. Нечего и говорить о том, что сегодня они имеют технический, сплошь секуляризованный характер "голых" экономических стимулов. Моральная же палитра групповых мотиваций никогда не теряет традиционного для данной культуры характера.

Как бы то ни было, известные данные о положении людей в новых секторах экономики России демонстрируют ближайшие, тактические, а не стратегические мотивы: просто выжить (экономически), удержать или повысить свой уровень жизни (инженеры ВПК), добраться до "кормушки", урвать денег или власти (немалое число депутатов, чиновников, коммерсантов), уловить новую социально-культурную перспективу (особенно характерно для образованной молодежи), испробовать себя в социально новом качестве) См. (3—10). Словом, время стратегических, базисных мотивов еще впереди.

Затянувшийся экономический кризис, конъюнктурный расцвет спекулятивного и коммерческого капитала способствует росту экономической дифференциации (возможно, за пределы соотношения 1:20 между уровнями текущих доходов нижнего и верхнего децилей занятого населения). В социально-культурном плане это чревато разрывом в ориентациях бедных и богатых, широких масс граждан и высокостатусных элитных групп, т.е. возрождение в новых условиях классового членения общества и потенциального классового конфликта в духе XIX века.

Модели жизни элит утратят свою притягательность для большинства членов общества (а это и есть социально-культурное условие стабилизирующей роли среднего класса). Если процесс социальной дифференциации не нормализуется естественным образом, это будет означать необходимость вмешательства государства или других общественных сил.

Проблемы ориентации общества и упорядочение ценностей развития — это незаменимая функция культурных элит, а значит, проблема культурной основы власти. Да и самим богатым людям небезразлично, какой их образ утвердится в общественном мнении и как их будет воспринимать, как будет к ним относиться человек улицы: с благоговением, с восхищением перед достижениями и свершениями, или с завистью, классовой ненавистью, с культурным презрением или высокомерием. Дистанция между слоями может скреплять общество, поддерживать трудовую и деловую этику, социально-культурную ориентацию общества, а может, напротив, только дезорганизовывать социальный процесс, порождать мифы, страхи и неврозы, вести к разрывам отношений, к полному непониманию и отчуждению. Таким образом, функции социально-экономической стратификации амбивалентны и управляются исторически изменяющейся мерой. В умеренных формах они воспроизводят социальную ориентацию. В условиях кризиса они чреватые разрывами, вбирают в себя различия вариантов или даже устойчиво воспроизводят дезориентацию. В решающей степени эти процессы зависят от социальной консолидации многообразных культурных элит.

Литература

1. Осовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.
3. Голофаст В. Б., Протасенко Т. З., Божов О. Б. Элита Петербурга глазами населения. Мир России. Том 4, № 2, 1995. С. 90—105.
4. Дискин И. Е. Россия: социальная трансформация элиты и мотивация. Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум 17—19 декабря 1993 г. М., Интерпракс, 1994. С. 116.
5. Дука А. В. Трансформация местных элит. Институционализация общественных движений: от протеста к участию. Мир России. Том 4, № 2, 1995. С. 106—117.
6. Ершова Н. С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома. Куда идет Россия? С. 154.
7. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. Общественные науки и современность, 1995. № 1.
8. Матемедов А. Политические элиты российской провинции. Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 9.
9. Протасенко Т. З. Интеллектуалы в политике: профессиональная карьера и путь в депутаты. Региональная политика. 1992, № 1.
10. Шубин В. Н. Властвующие элиты Сибири (на материалах Алтайского края). Социологический журнал. 1995, № 1. С. 147—155.

В. Я. Гельман

КОНСОЛИДАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ И МЕСТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ. СЛУЧАЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Одним из наиболее значимых политических итогов цикла федеральных и региональных выборов 1996—1997 годов стало изменение характера взаимодействия различных сегментов российской политической элиты. Если период конца 1980-х — первой половины 1990-х годов был ознаменован жесткой конфронтацией различных институтов, политических течений, группировок в структурах власти как на федеральном, так и на региональном уровне(1), то с 1996 года наблюдается принципиальный поворот, связанный с принятием общих норм политической жизни как победителями, так и аутсайдерами публичной политики. Продолжая известное сравнение перехода к демократии с шахматной партией, правила которой меняются по ходу игры(2), можно говорить о том, что российские политики в Центре и в регионах отказались от ходов шахматной доской по голове партнера.

Для Санкт-Петербурга отход от публичной конфронтации политической элиты оказался связан с первой в истории города демократической сменой власти на губернаторских выборах 1996 года. Несмотря на то, что сама кампания носила явно конфронтационный характер (а возможно и благодаря этому), публичное признание поражения А. Собчаком, отказ от оспаривания итогов выборов, и, наконец, интеграция всех группировок городской политической элиты в систему властных отношений, создававшихся новым губернатором, создали условия для начала этапа консолидации региональных элит и — в более широком смысле — консолидации политической системы в регионе. Признаком такого рода консолидации является отсутствие значимых политических групп и институтов, выступающих как "группа вето" по отношению к демократически избранным властям(3). Действительно, на сегодняшний день статус таких групп в регионе достаточно маргинален, и нет оснований ожидать усиления их позиций. Напротив, внутриэлитные конфликты в регионе разрешаются путем переговоров и компромиссов, без апелляций к массам или столичным институтам, и успех (или неуспех) этих переговоров не подрывает легитимности властных институтов и конкретных политических лидеров.

Отличие данного процесса в Санкт-Петербурге от аналогичных событий как в Центре, так и в ряде других регионов России, является тот факт, что консолидация элит происходит не вследствие того, что контрэлиты осознали невозможность своего прихода к власти демократическим путем (как КПРФ после президентских выборов), но и не вследствие возвращения к власти политических сил, лишившихся своих позиций после августа 1991 года (как, скажем, в Челябинской области или в Краснодарском крае). Иначе говоря, конфликт в структуре региональной политической элиты в Санкт-Петербурге не представлял из себя "игру с нулевой суммой", при которой консолидация элит может происходить лишь на условиях безраздельного господства победившей стороны. Напротив, победа В. Яковлева на выборах с минимальным перевесом, его опора на широкую коалицию негативного консенсуса противников А. Собчака, сохранение альтернативных центров и каналов политического влияния — таких, как Законодательное собрание, влиятельные выходы из Санкт-Петербурга в Москве, часть экономической элиты города, и, наконец, общественное мнение, создавшее ситуацию, которую (с учетом традиционного опережения по времени политического развития Санкт-Петербурга по сравнению с Россией в целом) можно рассматривать как модельную с точки зрения перспектив политической трансформации в России.

Процесс консолидации региональной политической элиты может быть интерпретирован в рамках модели элитной трансформации, предложенной Д. Хигли, Р. Гантером и М. Бартоном(4). Рассматривая преодоление раскола элит в качестве важнейшего элемента консолидации новых демократических режимов, авторы отмечают, что формирование "сообщества элит", когда после непримиримой конфронтации элиты "внезапно и созна-

тельно реорганизуют свои интересы, договариваясь о компромиссах по основным расхождениям", ведет к необратимости демократических преобразований. Исходя из этого, например, И. Дискин рассматривает перспективы демократизации в России через освоение консолидировавшихся элитами новых демократических норм(5), после чего, по его выражению, элиты "по Хигли" становятся элитами "по Парето и Моска", и демократический процесс приобретает устойчивый характер. Однако, при таком подходе остается неясным, почему консолидация элит непременно несет в себе демократический потенциал; что, собственно, должно подвинуть элиты к демократии? В частности, С. Мэйрунинг отмечал, что формирование "сообщества элит" в Мексике конца 1920-х годов не способствовало демократизации, а препятствовало ей(6). Сходный довод приводит и У. Кейс: "консолидированные элиты могут преодолевать кризисы, двигаясь и в авторитарном направлении"(7)... Возникновение в рамках сообщества элит политического режима соревновательной олигархии, исключающего его подотчетность гражданам, в этих условиях может оказаться реальной альтернативой демократизации.

Как в свете этой дискуссии можно рассматривать опыт и перспективы Санкт-Петербурга? Очевидно, в политическом развитии региона выделяются как демократические, так и олигархические тенденции. С одной стороны, продление депутатами Законодательного Собрания своих полномочий на 2 года, принятие в первом чтении закона, низводящего местное самоуправление до уровня советов ветеранов при жилищных конторах, попытки законодательной отмены права вынесения на референдум вопросов о досрочном прекращении полномочий органов власти, безусловно, свидетельствует о стремлении минимизировать возможности демократической смены элит. Но в то же время политическая элита региона не в состоянии полностью исключить механизмы подотчетности и, как свидетельствует опыт жилищной реформы и спровоцированной ею кампании по вопросу о недоверии губернатору, вынуждена считаться с массовым участием, хотя и выраженным в наиболее примитивных формах.

Можно предположить, что дальнейшее преобладание тех или иных тенденций политического развития Санкт-Петербурга будет зависеть прежде всего от форм и каналов взаимодействия региональной политической элиты и граждан. Важнейшим индикатором здесь может служить роль политических партий и их влияние в регионе. Пока, однако, политические партии отнюдь не являются ключевыми субъектами политического процесса в Санкт-Петербурге, как и в других регионах России — даже наиболее развитые организации (РПЦ — "Яблоко", КПРФ, ДВР) не обладают достаточным потенциалом для формирования региональных органов власти и/или определения их политики.

Хотя невозможность разрешения внутриэлитных конфликтов по принципу "игры с нулевой суммой" и создает предпосылки для организационного развития партий в регионе, институциональная структура городской власти и характер внутриэлитных взаимодействий препятствуют партийному развитию. Вероятно, дать ответ на вопрос о том, ведет ли консолидация региональной элиты к становлению в Санкт-Петербурге местной демократии, можно будет лишь по прошествии следующего избирательного цикла, прежде всего — после выборов в Законодательное Собрание, если они состоятся в конце 1998 года.

Литература

1. О конфликтах в региональной элите Санкт-Петербурга см., в частности: В. Ачкасова, А. Дука. Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противостояния // Северная Пальмира, 1997, № 9. С. 46—51; В. Ачкасова, А. Чутов. Городские власти: динамика взаимоотношений в процессе трансформации общества // Вестник МГУ, Серия 12. Политические науки, 1995, № 6. С. 55—63; М. Горный и др. Городской Совет Ленинграда — Санкт-Петербурга в 1990—1993 годах. // Организация власти в Санкт-Петербурге, 1996, № 1. С. 1—55; А. Дука. Трансформация местных элит. Институционализация общественных движений; от протеста к участию. // Мир России, 1995, № 2. С. 106—117; M. McAuley. Russia: The Politics of Uncertainty. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. P. 221—263; R. Ortung. From Leningrad to St. Petersburg. Democratization in a Russian City. New York, St. Martin's Press, 1995, — и в ряде других работ.
2. G. O'Donnell, P. Schmitter. Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusion About Uncertain Democracies. Baltimore/London. John Hopkins University Press, 1986.
3. См., J. Linz. Transitions to Democracy // Washington Quarterly, 1990, Summer. P. 143—164.
4. M. Burton, R. Gunter, J. Higley. Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes // J. Higley, R. Gunter (eds.). Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. P. 1—37.
5. И. Дискин. Россия: трансформация и элиты. М., Элтра, 1995.

А. А. Вейхер

СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ И ПОПОЛНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

В структуре региональной элиты в той или иной степени присутствуют части, отражающие представленность в системе политического, экономического, социального управления различных региональных сообществ. Большая часть этих сообществ устойчиво воспроизводится по профессионально-отраслевому принципу (при этом профессиональные управленцы и политики выступают в значительной мере как специфические профессиональные группы).

Изменения структуры общественного механизма принятия решений, приводящие к изменениям в составе региональной элиты, выражают, прежде всего, изменения ролей профессионально-отраслевых групп. Так, усиление публичности власти и более частое обращение к процедурам голосования населения повышает значение профессиональных "формирователей" общественного мнения, технологов избирательных кампаний.

Рассмотрение ситуаций, приводящих к изменениям состава региональной элиты, позволяет выделить еще два типа таких ситуаций, различающихся как темпом изменений, так и степенью зависимости от личностного фактора — участников принятия решений, инициирующих такие изменения.

Пример одного типа ситуаций — длительный процесс формирования слоя мелких работодателей, хозяев небольших фирм, кристаллизации их как самосознающей свои специфические интересы общественной группы и выделения лидеров, могущих эти интересы представлять. По данным представительного мониторингового наблюдения, проводимого исследовательской фирмой "Крона Корсинто" с 1993 г., общее число таких предприятий (юридических лиц¹) в Санкт-Петербурге составляет 40—45 тысяч. Примерно, в половине случаев такие предприятия имеют двух хозяев (обычно, создателей предприятия). Соответственно, общая численность этого слоя в городе — 60—70 тыс. чел. (около 3% экономически активного населения).

Процесс осознания себя как специфической социальной группы идет в этой среде медленно (по сравнению с другими процессами преобразования в социально-политической сфере). Различные ассоциации, объединения мелких собственников, возникавшие неоднократно начиная с 1988 г., оказывались неустойчивыми. Иногда они выдвигали активных лидеров, но те, как правило, уходили в иные группы и, если оказывались в составе элиты, то уже вне связи со средой своего становления.

Самая массовая (35—40%) часть слоя мелких хозяев — торговцы. Эта среда имеет, с одной стороны, больше оснований для формирования представительства своих интересов (в силу большей однородности проблем, стоящих перед каждым торговцем в отдельности), а с другой стороны, имеет сильные центробежные тенденции в силу элементарной конкуренции на рынке. В результате на начало 1997 года в городе есть несколько объединений торговцев ("Купеческий клуб", ассоциации торговых предприятий и т.п.), преимущественно территориальных, но нет оснований предполагать появление "партии лавочников" в обозримом будущем.

Личностные особенности формирующихся в этой среде лидеров не могут существенно сказаться на образовании представительства этой группы в городской элите, т.к. массовое стихийное поведение людей этого слоя не создает реальной силы, которую эти лидеры могли бы представлять.

Примером ситуации второго типа может служить формирование органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге.

В 1989—93 гг. районные элиты советского периода успели претерпеть заметные преобразования, в них проникло много активистов демократических преобразований. Из

¹ Особенности налоговой политики сделали для многих из них выгодным в 1995—96 гг. переформирование своих предприятий из юридических лиц в предпринимательскую деятельность, проводимую без образования юридического лица.

них была в большей степени вытеснена самая влиятельная раньше часть — функционеры КПСС районного звена. Политико-административные элиты районов интенсивно участвовали в формировании городской политической элиты, образуя костяк групп поддержки на выборах городского и федерального уровня. Успешно прошедшие выборы кандидаты черпали из рядов своих сторонников в районах кадры для своих аппаратов в органах власти.

Выпадение из политической жизни районного звена привело к значительному ограничению каналов пополнения политико-административной элиты. В самом районном звене управления во многом восстановились каналы пополнения прежнего номенклатурного типа.

Существующая политическая элита городского уровня в большинстве случаев не имеет реальной опоры на представительство экономически значимых интересов территорий, т.к. поддержку для своих избирательных кампаний она чаще черпала из источников городского уровня. Этим во многом может быть объяснена легкость, с которой была воспринята схема снижения уровня территориальных образований, получающих статус муниципальных образований. Ее принятие во многом определяется личностными взаимодействиями внутри городской политико-административной элиты. Имеющаяся практика решения проблем для большинства горожан и существующих элит не дает им оснований ожидать неприятностей от такой схемы местного самоуправления. Скорее, наоборот, консервация сложившихся каналов решения проблем — это саница в руках, тогда как возможные выгоды от передела власти на районном уровне — журавль в небе.

В то же время создание нового властного уровня, подкрепленного федеральным законодательством, выполнение которого можно отстаивать в судебном порядке, открывает в политико-административной элите вакансии, которыми не преминут воспользоваться те, кому не нашлось места в сложившихся структурах. Близость к избирателю может сделать лидеров местного самоуправления территорий, сравнимых с округами по выборам в городские органы власти (т. е., примерно 100 человек), ключевыми фигурами на следующих выборах городского и федерального уровня.

Таким образом, процесс изменения механизмов формирования политической элиты города продолжается, отражая как тенденции в массовом поведении многотысячных групп горожан, так и сиюминутные стечения обстоятельств, преимущественно личностного характера.

А. С. Быстрова

БЫВШИЕ ПАРТИЙНЫЕ ФУНКЦИОНЕРЫ СРЕДНЕГО УРОВНЯ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ И БИЗНЕС-ЭЛИТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Трансформации, переживаемые российским обществом, носят по большей части эволюционный характер. За исключением отдельных эпизодов (август 1991, сентябрь—октябрь 1993 года), можно говорить о мягком развитии событий. "Наведение конституционного порядка" в Чечне, хотя и ужесточает политический режим, не меняет общего характера перемен. В этом же русле постепенно происходит и процесс трансформации правящих групп общества.

Под элитой обыкновенно понимают слой лиц, занятых управлением обществом, и/или принимающих решения общегосударственного значения. Это "контролирующее меньшинство", по определению Дж. Сартори. Можно привести множество других определений, но во всех в явной или неявной форме будет присутствовать власть, возможность распоряжаться распределением ресурсов, материальных благ в обществе.

В России (СССР) советского периода власть принадлежала номенклатуре. Специфической существенной чертой сложившейся номенклатурной системы оказалось господство бюрократического аппарата, номенклатурной элиты. Именно она правила. Хотя за партией сохранялись функции политической инфраструктуры, в целом она утратила элитный статус(1). Если датировать момент наступления зрелого состояния номенклатурной системы временем смещения Хрущева, как это делает Д. Бадовский(2), то зарождение региональных элит можно, видимо, отнести к временам правления Хрущева (совнархозы). В дальнейшем процесс роста региональных народнохозяйственных комплексов служил "материальной основой" развития региональных элит.

В иерархической структуре номенклатуры региональные элиты занимали место субэлит, в рамках которых возникали конкурирующие элиты, стремившиеся занять господствующее положение на вершине властной пирамиды(3). Подобные процессы, впрочем, свойственны были и другим субэлитам — отраслевым, национальным. В номенклатурной властной иерархии региональным элитам, будь то "партийно-обкомовские" или "управительски-местные" (Б. Пугачев), были делегированы достаточно ограниченные права по распоряжению материальными ресурсами. С точки зрения мобилизации сил страны для целей модернизации российского общества жесткая иерархия выглядела вполне оправданной. Однако с точки зрения перспектив политического и социально-экономического развития такая структура оказывается чреватой террором, бесправием населения, заговорами, неэффективностью экономики и прочим.

В первые годы "перестройки" в России часто можно было услышать и прочитать в демократических СМИ о том, что советская система не реформируема, поскольку у нее слабые внутренние импульсы к переменам. Тем не менее, теперь многие исследователи отмечают, что реформы и сама трансформация социальной структуры были подготовлены и инициированы номенклатурой. Главной ее целью, которая преследовалась в ходе реформ, и которая уже в значительной мере осуществилась, являлось превращение распорядителей "ничейной" государственной собственности в полноценных частных собственников(4).

Можно констатировать, что номенклатура оказалась среди социальных групп, на долю которых пал наибольший выигрыш. Похоже, что реализуется эволюционный сценарий "перерастания диктатуры номенклатуры в постноменклатурный строй", на который, по мнению М. Восленского, была слабая надежда. Вопреки его ожиданиям влиятельные круги номенклатуры выступили движущей силой "перестройки" и экономических реформ(5). В то же время для достижения своих целей она воспользовалась услугами "революционных романтиков": инженерно-технической, гуманитарной и творческой интеллигенции. Таким образом, "...основная масса номенклатуры, не принимая участия в политических баталиях, превратила в частную собственность все государственное имущество, которое было ей доступно"(6).

Однако на наш взгляд, это справедливо далеко не для всех уровней номенклатуры. То, что каждый уровень иерархии имел свой определенный объем властных полномочий,

не могло не сказаться на возможностях обретения собственности и нового социального статуса. Что произошло с партийными функционерами среднего уровня, то есть с теми, кто составлял региональную элиту Санкт-Петербурга, и представителями околослужбных слоев в городе, сохранили ли они свои позиции после 1991 года, каким образом адаптировались и как себя чувствуют в новых условиях, какой характер имела мобильность представителей этих слоев, как они оценивают перемены в обществе, каковы их политические ориентации и социальные ожидания.

В ходе исследования были проанализированы биографии представителей административной и бизнес-элиты Санкт-Петербурга, опубликованные в справочниках "Кто есть кто в Санкт-Петербурге" за 1995 и 1996 годы, тексты глубинных интервью бывших партийных функционеров, чиновников администрации города и структур прямого подчинения федеральным органам власти, предпринимателей и руководителей экономических организаций, публикации в местных СМИ.

12% из 500 биографий влиятельных лиц, включенных в названные справочники, содержат упоминание о работе в комсомольских и партийных комитетах. Среди членов правительства города, председателей комитетов и руководителей районных администраций во времена А. Собчака 16% имели опыт партийной работы. При губернаторе В. Яковлеве таковых не намного больше — 17,5% (данные неполные, поскольку авторам справочников не удалось получить биографические данные от некоторых представителей администрации). С учетом руководителей структур прямого подчинения федеральным органам власти доля лиц, имеющих опыт партийной работы, существенно выше: в 1995 году 34%, в 1996 году 38%. Еще выше доля лиц с опытом партийной работы среди представителей банковской и бизнес-элит: 47% и 46% соответственно (1996 год).

Анализ карьерных путей показывает, что начало партийно-комсомольской работы приходится на достаточно молодой возраст. При этом мотивы включения в данный род деятельности и внешние обстоятельства достаточно однообразны: долг, желание сделать карьеру или решить какие-либо житейские проблемы (получение жилья, например). Мотивы и обстоятельства ухода несколько более разнообразны. Нередко расставание с партийной карьерой было связано с конфликтными ситуациями, несогласием с мнением вышестоящих, разочарованием в проводимых реформах, желанием попробовать себя на ином поприще в условиях относительной свободы. Некоторые покинули партийную стезю в связи с Указом Президента России о приостановке деятельности КПСС в августе 1991 года.

По нашим наблюдениям, партийные функционеры неплохо чувствуют себя в условиях реформ, вполне вписались в новые социальные отношения, сохранив и повысив свой статус. При этом они чувствуют себя довольно уверенно в окружении людей, поднявшихся на волне демократических преобразований. Эту уверенность придает им прежде всего умение ставить реальные цели и интенсивно действовать во имя их достижения. В этом смысле опыт номенклатурно-управленческой деятельности оказался востребованным. Способ решения многих важных вопросов жизни города остался, по сути, прежним. Личные связи, контакты с нужными людьми, патронирование бывших подчиненных, взаимопомощь сохраняют свое значение. Нередко продолжает действовать привычная модель внутrigрупповых связей, которые, однако, приобретают новое значение и содержание. Эти социальные связи помогли бывшим партийным функционерам адаптироваться к новым условиям. Многие считают себя противниками "резких переломов", выступают за "постепенное трансформирование". Значительная часть весьма критически оценивает как рыночные реформы в целом, так и отдельные ее составляющие. В качестве основания для критической оценки приводится снижение жизненного уровня населения, беспрецедентное падение производства, налоги.

Среди бывших партийных функционеров, представляющих изучаемые группы, есть и либералы, и сторонники социал-демократии, и люди, остающиеся коммунистами. Интересно, что негативный опыт проведения рыночных реформ в России сделал многих приверженцами "китайской модели развития". У каждого своя логика, свое представление о том, почему китайская модель предпочтительнее, тем не менее, представляется, что дело в глубоком убеждении, что сложные общественные проблемы наилучшим образом можно решить приказными методами, насильно зататив население в светлое рыночное будущее.

Литература

1. Баговский Д. В. Трансформация политической элиты в России — от "организации профессиональных революционеров" к "партии власти" // Полис, 1994, № 6. С. 49.
 2. Путаев Б. М. Эволюция элиты и мега социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. // Политика в зеркале конфликтологии. Часть 1. Методологические и социальные проблемы. М., 1995, № 9. С. 102.
 3. Пастухов В. Б. От номенклатуры к буржуазии: "новые русские" // Полис, 1993, № 2; Умов В. И. Российский средний класс: социальная реальность или политический фантом // Полис, 1993, № 4; Кочетов А. Истоки "новой" социальной структуры // Свободная мысль, 1993, № 9; Воронков В. М. Новая российская элита // Социально-стратификационные процессы в современном обществе. Кн. 2. ИС РАН, М., 1993; Рывкина Р. В. Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал, 1994, № 4; Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность, 1995, № 1; Толина В. С. Богатые в России: кто они и откуда? // ЭКО, 1995, № 7; Медушевский А. Н. Формирование правящего класса // Социологический журнал, 1995, № 3 и др..
 4. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 610—611.
- Пастухов В. Б. От номенклатуры к буржуазии: "новые русские" // Полис, 1993, № 2. С. 49

И. Г. Васильев

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА: УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРУКТУРНОГО КРИЗИСА

Представление о структурном кризисе формируется как степень соответствия качества элитного слоя территориального сообщества ценностям и целям социально-экономических изменений, закрепляемым в важнейших социокультурных образах общества и нормативных актах, регулирующих жизнедеятельность населения на конкретной территории. Радикальные изменения в политической, экономической, социальной сферах общества предложили властным и управляющим группам такой набор ценностных и функциональных (профессиональных) требований, удовлетворить которые они были явно не готовы. Шоковая терапия, о которой говорилось в основном по отношению к малообеспеченным слоям населения, сопровождалась шоком и российской элиты.

Нормативно закреплённая технология формирования статусной иерархии правящей политико-административной элиты посредством движения "сверху-вниз" еще не завершена и продолжается в субъектах Федерации. Значительно большая степень свободы в формировании статусных иерархий в других элитных группах (финансовой, предпринимательской, научной, культурной, информационной) реализуется в существенном увеличении многообразия статусов и соответственно — траекторий продвижения в элитные слои. Другими словами, формирование элит осуществляется в более (политико-административная) или менее (культурная) жестких институциональных рамках.

Независимо от институциональных условий "вступления" в элиту, эта форма социального поведения не лишена отношений "спроса" и "предложения". Качественные несоответствия одного и другого и формируют ситуацию структурного кризиса. Удовлетворение спроса на элиту осуществляется, как правило, за счет внутренних ресурсов соответствующих сообществ или за счет мобильности из близких по содержанию сфер деятельности. Наиболее заметные реакции на структурный кризис элит в Санкт-Петербурге не отличались от российских и выражались в "хождении во власть", т.е. в политико-административную элиту, представителей номенклатуры и "непрофильных", в том числе и относительно отдаленных социально-профессиональных групп: работников науки и образования, культуры и искусства, спорта. "Встречная" мобильность выражалась в перемещении значительного числа представителей партийно-советской номенклатуры в финансово-промышленную элиту.

Перемещения в элитные группы, основанные на приобщении к социальным и политическим ценностям и соответствующей идентификации, но не подкреплённые необходимым потенциалом психологической и профессиональной адаптации, мало способствовали преодолению структурного кризиса. Спрос на высококвалифицированных специалистов в области макроэкономики, финансово-банковского дела, страхования, стратегий социально-политических изменений, социокультурных и этнокультурных процессов по-прежнему велик. Возможности преодоления структурного кризиса элит за счет межгрупповой мобильности в основном исчерпаны. Однако важность механизмов межгруппового влияния должна быть не только в полной мере осознана, но и поддержана усилиями соответствующих социальных институтов: власти, средств массовой информации, деловых и финансовых кругов, церкви, благотворительных организаций и др.

Наиболее же эффективным направлением преодоления структурного кризиса элит являются соответствующие условия, технологии и механизмы воспроизводства элит, направленные на формирование высшего слоя в каждом профессиональном сообществе. Семья, образовательные учреждения, профессиональная среда как традиционные механизмы воспроизводства элит отличались доминированием внешних социальных и интеллектуальных факторов над личностными. Изменение системы ценностей, частью которого стало и признание элит органичными социальными группами соответствующих профессиональных сообществ, пока не позволяет в полной мере использовать потенциал духовно-нравственного обновления общества и личности.

Семья и образовательная сфера как относительно стабильные и имеющие продолжительный воспроизводственный цикл социальные институты играют значительно меньшую роль в воспроизводстве элиты в сравнении с факторами профессиональной среды. Институциональные условия, характеризующиеся состоянием нормативной базы и социального контроля, свидетельствуют о том, что "криминальные траектории" вхождения в элиту используются столь же эффективно, как и механизмы публичной политики, информационные технологии или подчеркнуто антиобщественное поведение мафиозных структур.

Одним из важнейших измерений воспроизводства элит является его социальное качество. Меритократический подход к воспроизводству элит, реализуемый посредством выявления и поддержания одаренности, в кризисной социально-экономической ситуации удается реализовать лишь в очень ограниченном объеме. Значительно расширившееся пространство выбора (специальные и элитные школы, лицеи, гимназии, колледжи, возможность получения образования за рубежом и т.п.) превышает материальные возможности большого числа семей, находящихся по уровню благосостояния за чертой бедности. Социальная дифференциация "молодеет": на фоне "недоучек" из числа малообеспеченных семей, бросающих школу, растет количество молодых людей, получающих образование на уровне мирового. И уже в этой группе, формирование которой — явление в целом позитивное с точки зрения воспроизводства элиты, укрепляется и поддерживается родителями умонастроение на отъезд, на "заграницу".

Преодоление структурного кризиса региональной элиты тесно связано с целями и приоритетами региональной социально-экономической политики. Неизбежное сокращение удельного веса военно-промышленной элиты, столь же неизбежный рост социального спроса на медицинскую элиту, образовательную, научную и культурную, обуславливает необходимость социологического мониторинга как структуры элиты, так и условий ее воспроизводства.

Литература

1. Голофаст В. Б., Протасенко Т. З., Божков О. Б. Элита Петербурга глазами населения // Мир России. 1995. Т. 4. № 2. С. 90—105.
2. Дука А. В. Трансформация местных элит. Институционализация общественных движений: от протеста к участию // Мир России. 1995. Т. 4. № 2. С. 106—117.
3. Российская элита: Опыт социологического анализа. Ч. 1. Концепция и методы исследования. М., 1995. С. 41.
4. Васильев И. Г. Традиционные механизмы воспроизводства научной элиты // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 10. СПб, 1996. С. 237—241.

А. А. Сарно

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ И ФИРМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В январе — марте 1997 года с участием автора было проведено исследование основных мотивов деловой, экономической активности директоров, ведущих специалистов, крупных менеджеров предприятий, которые в современных условиях не только проявили способность к выживанию, но и проводят достаточно активную экономическую политику. На 93-х активных предприятиях и организациях Санкт-Петербурга было опрошено 374 респондента. С достаточными основаниями можно считать руководителей и ведущих специалистов этих предприятий представителями элиты производственно-экономической жизни современного Санкт-Петербурга.

Респондентам был предложен список из 35-ти потенциально значимых мотивов активности руководителей и специалистов для экспертной оценки степени их важности. Такая оценка выявляла особенности представлений современных успешных руководителей об оптимальных стратегиях выживания предприятий и организаций в нынешних условиях. Среди предложенных в опросном листе мотивов были учтены основные направления воздействия руководителей на предприятия, включая их технико-технологических характеристики, финансово-экономическую и маркетинговую политику, организацию и культуру менеджмента, технологии работы с персоналом, урегулирование социально-групповых отношений и т.д.

Проведенный анализ показывает, что структура мотивов российских¹ руководителей успешных предприятий приобрела отчетливый рыночный характер, и в настоящее время уже мало отличается от структуры мотивов западных руководителей и ведущих специалистов. Лидирующее место в сознании успешных современных российских руководителей заняли следующие мотивы:

1. Активный поиск платежеспособного заказчика;
2. Повышение преданности руководства своему предприятию;
3. Усиление ориентации руководства на долговременную перспективу развития организации.

Важный постулат современной "постиндустриальной" социально-экономической теории и практики бизнеса гласит: «Именно "ориентация на заказчика" выступает главным индикатором совершенства организации и ее менеджмента". В известной мере абсолютное лидерство мотива «активный поиск платежеспособного заказчика» приближает российскую производственную элиту к западному образцу. Однако заметно и отличие. Некоторое "отставание" мотивационной структуры российской производственной элиты от соответствующей мотивационной структуры западной элиты проявляется в том, что россияне подчеркнuto ориентированы на поиск платежеспособного заказчика как такового, тогда как западная ориентирована "на интересы заказчика".

Для контраста в исследовании были эмпирически выявлены те мотивы, которые обладают наименьшей значимостью в глазах российских руководителей и специалистов. К таким наименее популярным мотивам были отнесены:

1. Обеспечение конфиденциальности информации об общей стратегии предприятия;
2. Защита деятельности предприятия от внешней и внутренней критики;
3. Активизация благотворительной деятельности предприятия.

Сходство россиян с их западными коллегами подчеркивается тем, что они в полном соответствии с западной культурой менеджмента относятся к повышенной конфиденциальности, защищенности собственной организации от критики, как к «вынужденному злу», как к негативным ценностям. Однако пренебрежение к такому «респектабельному»

¹ Аналогичные данные, полученные нами в ходе опроса в Москве и Ярославле, существенно совпали с данными по Санкт-Петербургу. Поэтому анализ ряда приводимых здесь данных зачастую позволяет интерпретировать их как характеризующие российскую производственно-экономическую ситуацию в целом.

мотиву, как «активность в благотворительности», сегодня явно дистанцирует российскую производственную элиту от западной: большинство российских руководителей вынуждено думать о выживании, а не о помощи каким бы то ни было социальным партнерам.

Характерно также, что те руководители, которые обеспечение конфиденциальности все же считали ценностью, аргументировали это, например, тем, что незнание общей стратегии предприятия до некоторой степени «выгодно» для служащих, поскольку именно в ситуациях конфиденциальности руководитель берет на себя всю полноту ответственности за успешность предприятия. Тем самым руководитель снимает груз ответственности с персонала.

Самостоятельная часть исследования заключалась в определении — какие именно мотивы деятельности руководителей получают реализацию в их собственной практике. Другими словами, каким именно мотивам благоприятствуют условия современной российской экономики. Меню потенциально возможных мотивов, предложенных для оценки опросным листом, было тем же самым набором в 35 вариантов.

К мотивам, которые наиболее полно реализуются практикой руководителей предприятий, респондентами были отнесены:

1. Повышение преданности руководства своему предприятию;
2. Удовлетворение требований заказчиков;
3. Развитие партнерства между руководителями и персоналом.

Такая выявленная структура "практикуемости" мотивов вполне благоприятна для развития международных деловых контактов российской и западной производственных элит. Практикуемые ориентации российских руководителей вполне соответствуют критериям современных моделей западных национальных и международных премий качества, где наиболее практикуемыми ценностями выступают: Руководство, Удовлетворение заказчиков, Работа с персоналом.

Были выявлены также те мотивы, которые были оценены как наименее практикуемые. К ним были отнесены следующие:

1. Повышение заработной платы работникам;
2. Защита деятельности предприятия от внешней и внутренней критики;
3. Активизация благотворительной деятельности предприятия.

Низкая практикуемость мотивов "защиты от критики" и «благотворительности» вполне соответствует низкой "ценностной" значимости этих мотивов, обнаруженной в первой логической части исследования. Более драматичный характер носит признание российских руководителей в том, что устремления "повышать заработную плату работникам" в ближайшей перспективе утопичны.

Исследование ставило своей задачей измерить своеобразную степень "напряженности потребностей": разницу между субъективной значимостью конкретного мотива для руководителя и его реальной реализуемостью. Наиболее напряженными, «неутоленными» оказались следующие мотивы:

1. Повышение заработной платы работников;
2. Поиск платежеспособного заказчика;
3. Усиление ориентации руководства на долговременную перспективу развития организации;
4. Повышение способности быстро адаптироваться к потребностям заказчика.

Другими словами, очевиден специфический "голод" предприятий по ценимым в принципе "высокой зарплате работников", "поиску платежеспособных заказчиков", "ориентации руководства на перспективу развития предприятий". По этим показателям российские предприятия будут наиболее отчетливо испытывать ущербность в сравнении с зарубежными партнерами. Это неизбежно усугубляется отмеченным дефицитом "способности быстро адаптироваться к потребностям заказчика".

Наименее напряженными, с точки зрения возможности их реализации на практике, оказались мотивы:

1. Активизация благотворительной деятельности предприятия;
2. Делегирование полномочий низовым звеньям организации;
3. Обеспечение высокого дохода руководству;
4. Активизация директивных форм управления персоналом.

Судя по приведенным данным, на многих российских предприятиях все еще действует традиционный для их «планового прошлого» двойной стандарт: с одной стороны,

руководство намерено делегировать низовым звеньям всевозможные полномочия, а с другой стороны, это же руководство намерено активизировать директивные формы управления персоналом. Близость субъективного запроса на высокие доходы руководства и реализованности этого намерения говорит о том, что ориентация директора и ведущих специалистов на вхождение в элиту, на «отрыв» по доходам от среднего класса была достигнута сравнительно легко.

В ходе исследования были обнаружены мотивы, степень реализованности которых оказалась выше, чем степень их субъективной значимости — «заказанности». К ним относятся:

1. Предоставление возможности подчиненным проявлять несогласие с руководителями;
2. Расширение возможностей карьерного роста специалистов внутри организации.

Поскольку уровень реальной практикуемости этих мотивов оценен выше, чем уровень субъективной «заказанности», становится очевидным, что руководители испытывают некоторое чувство протеста против этих популярных западных ценностей. Однако, они выражают готовность считаться с требованиями западной культуры трудовых отношений, несмотря на то, что условия в нынешней российской экономике для этого еще не созрели.

А. В. Дука, А. В. Чугунов

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПРЕССЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ЭЛИТЫ

Доклад основывается на результатах исследовательского проекта «Старые и новые властные элиты Санкт-Петербурга в процессе трансформации общества», в рамках которого проводился контент-анализ городских газет. Наряду с контент-анализом проводились глубинные интервью с представителями городской элиты.

Для идентификации элит использовался позиционный подход. Под властной городской элитой понимались высшие чиновники городской администрации и руководство Горсовета (президиум, председатели комиссий и комитетов).

Хронологические рамки исследования и, соответственно, контент-анализа определялись с 1989 года (год, предшествующий смене власти в городе) по 1993 год (конец первого «несоветского Совета»).

Первая естественная проблема анализа — выборка. Всего за 5 лет (1989 — 1993 г.) общий объем газетного материала по шести основным городским газетам составлял около 7 тыс. номеров, что образует генеральную совокупность контент-анализа. В связи с очевидной нереальностью сплошного просмотра всех вышеуказанных изданий во временных рамках нашего исследования, встала проблема обоснования выборки материала для контент-анализа.

Сформировать случайную выборку или вычленив какие-либо периоды для отбора первичного материала не представлялось возможным из-за явной неоднородности генеральной совокупности — например, наличие пиков публикационной активности «политиков» и «чиновников», а также публикаций о них в периоды выборов в органы власти, реорганизаций системы управления и т.п.

В данных условиях единственно возможным способом отбора осталось уменьшение списка периодических изданий для сплошного просмотра за 5 лет. Были сформулированы следующие критерии для отбора изданий: преемственность — газета должна выходить в течение всего исследуемого периода; полнота освещения деятельности городских властей; отсутствие экстремизма в позиции газеты — необходимо избежать концентрации какой-либо одной точки зрения; обеспечение приблизительного баланса позиций отобранных изданий.

На основании экспертных интервью было принято решение о формировании выборки из трех ежедневных газет — «Ленинградская правда» / «Санкт-Петербургские ведомости»; «Вечерний Ленинград» / «Вечерний Петербург»; «Смена». Таким образом, анализировалось 4,5 тыс. номеров газет. Для анализа было отобрано около 12 тыс. публикаций.

В рамках нашего исследовательского проекта содержательный анализ городской прессы решал несколько задач. Первая связана с ролью средств массовой информации в создании картины политической жизни города. Здесь газеты выступают как один из важнейших факторов формирования внутригородской политики и в какой-то мере в качестве относительно независимых политических субъектов. Также газету можно рассматривать как посредника между населением и городской элитой, для которой то или иное издание служит трибуной для высказывания собственных взглядов. Исходя из такого понимания прессы, были определены следующие задачи контент-анализа:

Выяснение образа политиков и чиновников в городской прессе, как отражения мнения средств массовой информации и фактора формирования общественного мнения по поводу городской элиты.

Определение лидеров общественного мнения. Сравнение списка наиболее часто встречающихся в прессе представителей городской элиты с данными социологических исследований позволяет составить список наиболее значимых и влиятельных городских политиков. Эта задача связана с информационной ролью городских газет. В данном случае газета рассматривается как «зеркало» жизни (мы оставляем

в стороне проблему, насколько это "зеркало" адекватно отражает действительность и передает объективную информацию). Поэтому, отражение тех или иных событий в газетах и сравнение полученных результатов с данными других исследований позволяет получить объемное изображение предмета исследования.

Определение особенностей освещения прессой конфликтов, в которых участвуют политики и чиновники городской администрации, классификация конфликтов по уровням и предмету, а также ориентация сторон на форму разрешения конфликтных ситуаций. Разумеется, информация в прессе о конфликтности взаимоотношений между фракциями городской элиты является не только отражением реалий городской политики, но также средством формирования общественного мнения об органах власти и инструментом давления. Таким образом, эти данные могут иметь двойное значение.

Выяснение образа политиков в глазах чиновников и образа чиновников в глазах политиков, выраженного в авторских публикациях и интервью. Это связано с представлением о распределении ролей в политике у бюрократов и политиков. Сравнение полученных результатов с данными интервью позволяет более точно описать представления городской политической элиты по поводу распределения ролей в процессе принятия и реализации решений.

Результаты анализа.

Представимость политических лидеров города в газетах связана с политической жизнью страны и города. В этом смысле совершенно тривиально выглядят результаты обработки данных. Предвидеть пики "появления" в прессе городских руководителей можно было бы на основе знания политических событий — ГКЧП, выборы, сессии, начало экономических реформ. Здесь результаты схожи с данными анализа петербургских газет в рамках проекта по протесту (рук. Костюшев В.В.).

Вместе с тем, контент-анализ газетных публикаций позволил получить информацию о персональном рейтинге (в прессе) представителей исполнительной власти и депутатского корпуса. Вернее сказать — о популярности той или иной личности в прессе, т.к. в нашем исследовании фиксировались упоминания фамилий в газете без учета повторов в рамках одной статьи (несколько раз фамилия учитывалась лишь в том случае, если с ней соотносились какие-либо характеристики).

Соотнесение данных контент-анализа с результатами, полученными другими исследователями, показало их сопоставимость.

Образ представителей политической и административной элит в прессе связан с ориентацией издания. Так, например, у "Вечернего Петербурга" доминируют нейтральные характеристики по отношению к представительной власти, что же касается административной элиты, то здесь большинство характеристик отрицательные. Это совпадает и с общей направленностью публикаций — перевес положительных публикаций в этой газете наблюдается по отношению к депутатскому корпусу.

Конфликты. Результаты контент-анализа показали низкую степень освещения в прессе конфликтов в городских властных структурах. Общая доля статей, посвященных конфликтам, или в которых хотя бы упоминается конфликтная ситуация с участием городских политиков и/или представителей администрации, не превышает 2% от общего количества статей, отобранных для анализа. Например, в массиве публикаций трех городских газет за 1993 год — год серьезных конфликтов и роспуска Горсовета — (3286 статей) всего 53 статьи освещают конфликты (т.е. 1,6%). При этом видно, что "официальные" газеты ("Санкт-Петербургские ведомости" и "Вечерний Петербург") представлены всего 12 статьями и основное количество публикаций (70%) относится к газете "Смена".

Материалы интервью и официальные документы, напротив, дают информацию о большом количестве конфликтных ситуаций: как во взаимоотношениях между ветвями власти, так и внутри депутатского корпуса и административных структур. Соотнесение результатов контент-анализа с данными других методов исследования позволяет сделать вывод о чрезвычайно осторожной позиции городской прессы по отношению к теме конфликтов в городских властных структурах.

С другой стороны, анализ распределения итоговых данных контент-анализа публикаций о конфликтах показал корреляцию с информацией, полученной через глубинные интервью: наибольшую частоту упоминаний получили конфликты, связанные с "нарушением законодательства" (27%), "вопросами собственности" (22%), "полномочиями властей" (16%), "вопросами реорганизации властных структур" (14%).

Групповая сплоченность. В качестве одной из задач контент-анализа ставилось получение данных о том, как депутаты характеризуют бюрократов и наоборот. Высказывания были разбиты на 4 группы и анализировались по принципу "хвалит — ругает" (позитив — негатив).

Результаты контент-анализа городских газет свидетельствуют о низкой групповой сплоченности депутатской элиты. Так, из всех взаимных характеристик депутатов в прессе 77% — отрицательные. Наибольшую частоту имеют такие характеристики, как отсутствие компетенции, амбициозность, ориентация на конфликтность, нарушение законов, невыполнение обязанностей. Это свидетельствует о низком корпоративном сознании депутатского корпуса, что частично связано с несформированностью новой коллективной идентичности.

В отличие от депутатов, административная элита проявляет большую групповую лояльность. Во взаимных характеристиках бюрократы дают, прежде всего, положительные характеристики, среди которых доминируют "приоритет общественных интересов", "выполнение должностных обязанностей". Лишь 26% характеристик критично-отрицательные.

Таким образом, можно сказать, что все же конфликтность фиксируется, но не прямо, а через риторику, языковую практику. И в какой-то степени можно делать выводы и об уровне напряженности между элитными фракциями.

Некоторые выводы.

Исследование показало, что наиболее оптимальным является применение методов контент-анализа при построении рейтингов популярности политических деятелей, выявлении индексов групповой сплоченности представителей элиты путем перекрестного анализа высказываний представителей одной группы о представителях другой (и наоборот); выявление позиций газет по отношению к представителям элиты.

Представляется, что наиболее эффективно использование метода контент-анализа в исследованиях элиты должно сочетаться с применением других методов (интервью, анкетирование и др.).

И. Э. Барский

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ.

1. Определение финансово-экономической элиты.

Состав финансово-экономической элиты

К финансово-экономической элите Санкт-Петербурга мы относим руководителей компаний — лидеров основных сегментов рынка, если объем продаж соответствующей компании на данном сегменте рынка оказывает существенное влияние на экономическое состояние города. Критериями существенного влияния компании на экономическое состояние города предлагается выбрать: контроль над значительным сегментом рынка, значимость компании как налогоплательщика для города (не менее 0,1% от общих доходов городского бюджета). Поскольку в существующих условиях, как показывает практика, раздел рынков сбыта серьезно зависит от администрации города, к финансово-экономической элите следует отнести также руководителей комитетов администрации города, имеющих прямое или опосредованное право квотирования (в стабильной ситуации эта группа должна относиться к политической элите).

Предложенный подход позволяет составить список реального состава финансово-хозяйственной элиты, подойти к подготовке рейтинга элиты, а также ускорить процесс групповой самоидентификации, осознания групповых интересов и единства целей.

2. Эволюция целей финансово-экономической элиты

Радикальная трансформация экономики в России в значительной степени синхронизировала фазы развития различных видов бизнеса, в связи с чем условно можно выделить определенные этапы развития экономической ситуации в целом: 1) этап обеспечения перераспределения собственности, 2) этап экспансии на потребительский рынок, 3) этап привлечения инвестиций, 4) этап защиты соответствующего сегмента потребительского рынка. Финансово-экономическая элита в своей деятельности призвана реализовать функции обеспечения таких форм управления экономической политикой, при которой в максимальной степени реализовались бы цели соответствующих этапов развития общеэкономической ситуации.

По мере развития реформ осознание единства целей становится ведущим фактором, предопределяющим темпы формирования необходимых социальных институтов, призванных обеспечить реализацию благоприятного для бизнеса экономического и правового климата.

Каждый этап развития социально-экономической ситуации выдвигает свои требования к социальным институтам, лоббистским структурам, политическим организациям и руководителям органов государственной власти и управления. Высокие, по историческим меркам, темпы социальной трансформации приводят к хроническому отставанию возникших социальных институтов от назревших потребностей. В результате мы наблюдаем важную в практическом плане закономерность: каждый новый этап экономических реформ приводил не только и не столько к трансформации отдельных социальных институтов, сколько к возникновению новых социальных институтов, создаваемых специально под реализацию целей и задач соответствующего этапа реформ.

3. Особенности первого этапа становления финансово-экономической элиты

На первом этапе реформ (этап приобретения и передела собственности) преобладали личные связи отдельных предпринимателей, в дальнейшем дополнившиеся склонностью отдельных отраслевых групп к лоббированию групповых экономических интересов.

Наиболее сильное лобби возникало там, где зависимость от государственного бюджета была максимальной (сравним сильное лобби строительных компаний и банков со слабой политической активностью торговых компаний). Финансово-политическая элита как единое целое на этом этапе не существует, возникают лишь социальные институты, представляющие интересы различных групп бизнеса. Итогом этого этапа становления финансово-экономической элиты стало формирование таких социальных институтов, как ассоциации промышленных предприятий, риэлтеров, оценщиков, профессиональных участников рынка ценных бумаг, страховщиков, финансовых компаний, коммерческих банков; торговой палаты. Представительство экономических интересов отраслевых групп в основном оторвано от деятельности общественно-политических организаций.

Названный этап характеризуется отсутствием единства интересов финансово-экономической элиты, следствием чего явился дисбаланс политических сил и потребительского рынка в пользу крупных монополий с последующим сжатием потребительского рынка (выражающимся в падении валового внутреннего продукта на душу населения), и всеобщим падением покупательной способности граждан. Подобный сценарий в значительной степени предопределен отраслевым принципом формирования лоббистских структур, вытекавшим в свое время из отраслевого принципа функционирования народного хозяйства и отраслевого сценария приватизации.

4. Второй этап реализации целей социально-экономической элиты и становление рынка политических услуг

На первом этапе реформ политические организации в основном выполняли функции идеологического обеспечения целей отдельных групп финансово-политической элиты. Так, нельзя не отметить роли "Демократического выбора России" и проводимой им либеральной идеологии в обеспечении перераспределения собственности.

Только на втором этапе реформ мы наблюдаем процесс возникновения конкретного сегмента рынка политических услуг. В качестве подобного примера в нашем городе приведем деятельность "Региональной партии Центр" в Санкт-Петербурге, сопоставив ее выигрыш на выборах губернатора и в Государственную думу с ростом влияния нынешней администрации Санкт-Петербурга на раздел потребительских рынков (экспансия московских банков на финансовый рынок Санкт-Петербурга, передел продовольственного рынка Санкт-Петербурга в пользу более крупных компаний, политические усилия естественных монополий, направленные на либерализацию цен на их услуги, приведение, в частности, к коммунальной реформе, недавнее обострение борьбы петербургских банков за привлечение бюджетных средств). Вышеназванные события иллюстрируют роль политических методов решения проблемы обострения конкуренции за место на потребительском рынке.

5. Экономические предпосылки формирования единства финансово-политической элиты

В настоящее время складываются экономические предпосылки для объединения финансово-экономической элиты в целях реализации ею общих политических задач второго и третьего этапа экономических реформ. К таким задачам относятся: обеспечение протекционистской защиты своего места на сжимающемся потребительском рынке в условиях обострения конкуренции с западными корпорациями, и одновременно обеспечение правового и политического климата, благоприятного для инвестиций.

Нынешняя размытость финансово-экономической элиты препятствует реализации этих задач. Однако высокие ожидаемые темпы сжатия потребительского рынка и разрушения основных фондов производителей являются существенными экономическими факторами, заставляющими финансово-экономическую элиту объединять усилия для реализации стоящих перед ней экономических задач.

В случае формирования соответствующих социально-политических институтов объединенными усилиями формирующейся финансово-экономической элиты возникают серьезные перспективы расширения потребительского спроса до уровня устойчивого роста экономики (3—4 процента прироста регионального внутреннего продукта в год, что соответствует для Санкт-Петербурга росту емкости городского потребительского рынка примерно на 2,8 млрд. долларов в ближайшие 4 года, и, соответственно, инвестициям в модернизацию основных фондов экономики Санкт-Петербурга примерно в 5 млрд. долла-

ров). При этом затраты на обеспечение экономического климата и правового поля, благоприятного для инвестиций, при условии кооперации различных групп финансово-экономической элиты, составят суммарно не более нескольких миллионов долларов. Таким образом, приоритетное инвестирование экономико-политического и правового обеспечения экономических реформ в Санкт-Петербурге, при условии снижения экономических рисков такого инвестирования, становится в ближайшие годы сверхдоходным видом деvelopeпингового бизнеса на рынке консалтинговых, юридических и политических услуг.

6. Перспективы политического обеспечения второго и третьего этапа реформ

Политический сценарий развития Санкт-Петербурга, обеспечивающий устойчивый рост потребительского рынка и целенаправленное формирование климата, благоприятного для инвестиций, пока не востребован финансово-экономической элитой Санкт-Петербурга в силу ее недостаточной организованности. В связи с этим, возможно, что формирующееся правовое поле и экономическая политика региона в последующем будут все больше отражать интересы крупнейших зарубежных корпораций, активно осваивающих российский, в том числе петербургский потребительский рынок.

Становление социальных институтов (элитных клубов и механизмов выработки согласованных политических решений), обеспечивающих окончательное оформление финансово-экономической элиты Санкт-Петербурга, будет сопровождаться реализацией ее политических интересов через формирование политической коалиции нового типа. От лиц и организаций, входящих в нее, потребуются способность осознанно обеспечить создание экономического и правового климата, благоприятного для инвестиций, включая создание правовых механизмов раздела потребительского рынка между российскими и западными компаниями, проникающими на российский рынок.

С. А. Кутель

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ

Элита не только особая группа в политической сфере: элиты имеются в экономической, политической, профессиональных сферах. Определенные элиты могут занимать лидирующие позиции.

Имеются многочисленные подходы к выделению элит. Две основные из них — властные и меритократические. В последнем случае элита — это те, кто обладает особыми достоинствами, достигли наивысших результатов в определенной сфере деятельности.

Сообщество ученых, как и любая иная социальная группа, порождает свою элиту — узкий слой выдающихся исследователей. Принятая в той или иной стране модель организации науки определяет особенности механизма формирования и функционирования элиты. Тем не менее, процессы элитообразования всеобщие, интернациональны. Они охватывают познавательные, социально-организационные и социально-психологические аспекты научной деятельности.

Общество возлагает на элиту особую ответственность, обеспечивая ей высокий статус и престиж. Элита, в свою очередь, сознает собственную роль и претендует на власть, влияние и лидерство, что проявляется в ее поведении и мотивации активности.

Элита выполняет как внутринаучные, так и общесоциальные функции. Среди первых — определение приоритетных научных направлений, координация исследований и осуществление научных связей внутри страны и на международном уровне, сохранение культуры науки, ее ценностей и норм, управление персоналом и его пополнение, финансовое и материально-техническое обеспечение исследовательской деятельности. На лидеров возлагается задача поддержать "критическую массу" научных результатов, мобилизовать рядовых научных работников и ресурсы.

Внешние функции научной элиты состоят в осуществлении взаимосвязи науки с обществом и государством. Выступая в качестве "буферной группы", лидеры влияют на принятие решений о финансировании науки в целом и отдельных ее отраслей. В то же время государственные и общественные структуры оказывают воздействие на механизмы формирования самой элиты.

В последнее десятилетие посредническая роль научной элиты институционализировалась, что особенно заметно в США и Великобритании. Постепенно сложилась система научно-консультативных органов, параллельных правительственной бюрократии. Входящие в эти органы специалисты обычно старше, чем научное сообщество в целом; они представляют ограниченное число наиболее престижных университетов и научно-технических центров.

В ходе реформирования российского общества происходит трансформация науки как социального института — от централизованной к децентрализованной, от закрытой к открытой, от государственной к плюралистической. Обновление механизмов воспроизводства и функционирования научной элиты — одно из направлений и одновременно свидетельство таких изменений.

Следует иметь в виду, что для советской науки было характерно противоречие между когнитивной иерархией и социальной стратификацией в ней. Иначе говоря, существовали параллельные структуры неформального и формального лидерства, когда занимавшие высокие посты научные деятели далеко не всегда имели реальные достижения и, напротив, выдающиеся исследователи нередко не были отмечены ни должностями, ни званиями. Научно-административная верхушка, слившись с партийно-государственным аппаратом, стала номенклатурной. Ее привилегии не соответствовали обязанностям. Когнитивная элита играла роль неформального лидера, что в значительной мере обуславливалось политическим вмешательством в процесс иерархизации научного сообщества.

В современной ситуации происходит формирование новой научной элиты, сочетающей в себе высокую профессиональную репутацию и независимость. Этому способствует

появление негосударственных источников финансирования исследований — российских и зарубежных научных фондов. В результате происходит столкновение интересов новой научной элиты и научной бюрократии, не желающей терять власть.

Научная элита Санкт-Петербурга структурно включает в себя довольно разнородные социально-профессиональные группы.

Во-первых, это когнитивная элита, ядро научного сообщества. В интеллектуальной элите Санкт-Петербурга есть ученые мирового класса. Представители интеллектуальной элиты выполняют исследовательские, преподавательские, экспертные роли. Наше исследование посвящено, прежде всего, именно этой группе ученых. Во-вторых, это научно-административная элита, включающая в себя руководящих работников НИИ и вузов, муниципальных органов управления наукой, называемых иногда научной бюрократией. В-третьих, это верхний слой научно-предпринимательской (коммерческой) группы.

Представители первой группы, достигшие выдающихся результатов в развитии тех или иных отраслей науки и во многих случаях получившие признание своих коллег и уважение общества, могут не занимать высоких административных должностей в науке с присущими им властью и престижем; вторые, не имея выдающихся научных достижений, держат в руках власть, могут распоряжаться людьми, финансами, оборудованием. Представители этого слоя входят скорее не в интеллектуальную, а в административную элиту научного сообщества. Однако возможно совпадение когнитивных и административных качеств и ролей. Некоторые крупные ученые у нас и за рубежом стремятся войти в политическую и административную элиту, хотя последствия такого влияния различны, в некоторых аспектах такая активность снижает научную продуктивность, в других создает предпосылки для крупномасштабных исследований.

Все эти группы относительно автономны, однако прямо или косвенно связаны как между собой, так и с научным сообществом.

По социальным ориентациям, как и по другим социальным показателям, группа научных и научно-педагогических работников неоднородна. Дифференциация выявилась еще в самом начале реформ.

Это, во-первых, ученые, ориентированные на фундаментальные исследования и ожидающие финансового обеспечения от государства. Сюда же могут быть отнесены научные работники приоритетных направлений ВПК. Во-вторых, это слой работников "рожденных" для научно-технического бизнеса. В-третьих, это работники отраслевых НИИ (в основном ВПК), не находящие своей "ниши" в научной среде и ориентированные на переквалификацию, но с относительно высокой оплатой и устойчивым статусом.

Что нового в ориентациях ученых появилось за последнее время?

Наметилось расслоение среди ориентированных на фундаментальные исследования. Одни из них по-прежнему ждут полного стабильного финансирования от государства (а некоторые из них его активно требуют), другие, используя появившиеся возможности, активно стремятся получить финансовую поддержку иным способом, прежде всего, используя научные фонды и выдаваемые ими на конкурсной основе гранты. Таких ученых больше в РАН и в наиболее крупных и наиболее престижных вузах, прежде всего в СПбГУ и СПбГТУ.

Каковы политические ориентации научной элиты?

Достаточно репрезентативных данных у меня нет. Судя по материалам интервью и выборочных опросов, эти ориентации разнородны, включая левые (прокоммунистические), либерально-демократические, а также ориентацию на сильную централизованную власть. Значительная часть научной элиты в политическом плане индифферентна, и эта тенденция в последние годы стала нарастать.

В постсоветском обществе, оттесняя научную элиту, на первый план выдвигаются финансово-экономическая и политико-экономическая элиты. Сумеют ли эти элиты в условиях трансформации общественных отношений, институционального кризиса оценить значение науки и кардинально поддержать научную элиту? От этого во многом зависит будущее науки и образования, общества в целом.

А. С. Кармин

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ

В науке широко практикуется отбор в элитные группы по принципу самокомплектования (в соединении с частичным использованием других способов). Обладатели ученых степеней и званий присуждают эти степени и звания, члены академий принимают в свой состав новых членов и т.д.

Основной недостаток системы самопополнения элитной группы — слабость входного контроля. При приеме новых членов оценка претендентов проводится в сравнении их с имеющимися в данный момент членами группы. Но если члены элитной группы стремятся к тому, чтобы новые ее члены были "не хуже" их, то эталоном для отбора претендентов становится уровень худших из имеющихся членов. Таким образом, даже при строгом отборе по эталонному уровню элитные качества будут ближе к их нижней границе. Однако на деле члены элитной группы не всегда озабочены тем, чтобы были приняты лучшие претенденты. В действие вступают иные мотивы: подбор претендентов не по профессиональным достоинствам, а по личной симпатии; желание видеть в группе своих сотрудников, учеников, преемников (главное — "своих", а не "чужих"); стремление не допустить в нее конкурентов и вообще тех, кто может захватить лидерство и оттеснить ее старых членов на вторые роли; включение в свой состав "сильных мира сего" не за их научные заслуги, а из соображений совсем иного порядка. Следует учесть и то, что элитарные качества с возрастом слабее, и многие стареющие представители элиты, не желая выглядеть тускло на ярком фоне талантливых новичков, руководствуются при приеме их правилом: "пусть чуть хуже меня, но лишь бы не на много лучше".

Из сказанного вытекает, что в этих условиях механизм отбора дает сбой, приводящий к ошибкам двоякого рода: во-первых, в элитную группу попадает неэлитный материал и, во-вторых, вне ее остается элитный. Обычно критикуют ошибки первого рода — они больше бросаются в глаза. В этой связи то и дело провозглашается необходимость ужесточить правила отбора (например, повысить требовательность ученых советов к диссертантам, ответственность оппонентов и т.д.). Стоит отметить, что все подобные призывы малоэффективны, поскольку остается в силе принцип самопополнения. Но существенное значение для понимания характера эволюции элитной группы имеют ошибки второго рода, на которые обращают мало внимания: о невостребованных талантах никто не помнит, кроме них самих. Однако фактически их невостребованность — это серьезная потеря не только для общества, но и для элитной группы. И такая потеря не проходит даром: несовпадение между действительной элитой (элитой в первом смысле) и элитной группой (элитой во втором смысле) растет, а разница между уровнем элитной группы и уровнем исходной совокупности уменьшается.

Математическое моделирование систем с подобными механизмами самопополнения элиты ведет к выводу, что последняя в них неустойчиво деградирует. Теряя свои элитные качества, она опускается до среднего уровня исходной совокупности, а затем если ее функционирование продолжается и дальше, то она вырождается в "антиэлитную" группировку — некое подмножество исходного множества, собирающее в себя все худшее, что в нем есть.

Деградация самопополняющейся элитной группы к тому же сопровождается расширением и укреплением личных связей, основанных на зависимости, взаимных услугах и т.п. В результате эволюция самокомплектующейся элитной группы ведет к превращению ее в сплоченную клику, живущую своей собственной внутренней жизнью, закрытой для постороннего глаза. Эта группа все больше отрывается от породившего ее сообщества, замыкается на своих внутренних проблемах и задачах, принося в жертву им интересы дела, которому она призвана служить. (Некоторые из наших академий, по-видимому, уже давно дошли до последних стадий эволюции, на которых происходит их превращение в клику: так, достаточно вспомнить, например, о положении дел,

сложившихся в АПН СССР, которая полностью оторвалась от нужд школы и поставила всевозможные преграды, чтобы не допустить в свои ряды педагогов-новаторов, или о неизбрании в АМН СССР Г.А.Илизарова, которое наглядно обнаружило степень деградации этого учреждения).

Недостатки механизмов самокомплектации могут быть преодолены, если параллельно с ними вводятся в действие механизмы, выполняющие обратную задачу — отрицательный отбор, т.е. отсев, удаление из элитной группы худших ее членов. Оказывается, эволюция самокомплектующейся группы в большой мере зависит не только от того, кто и как в нее принимается, но и от того, от кого и как она очищается.

Механизмы отрицательного отбора могут строиться на разных принципах. Они могут быть как постоянными, действующими регулярно и систематически, так и временными, включаемыми от случая к случаю. Отсев худших может делаться по критериальному принципу (удаляются не выполнившие обусловленный норматив или не соответствующие заданному эталону) или на состязательной основе (удаляются занявшие последние места). Наилучшие результаты дает регулярно действующий механизм.

Важность отрицательного отбора легко продемонстрировать на спорте: скажем, при подготовке олимпийской сборной происходит не только выбор лучших кандидатов, но и удаление из команды худших; в высших футбольных лигах каждый сезон худшие (занявшие последние места) команды удаляются, освобождая места для лучших команд из низших лиг.

Изучение на моделях процесса эволюции элитных групп в условиях действия механизмов отрицательного отбора показывает, что самоочищение группы от худших членов и прием вместо них лучших со стороны позволяет обеспечить рост ее элитного уровня.

В. М. Ломовицкая, Т. А. Петрова

НАУЧНАЯ ЭЛИТА: СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

В статье представлен материал, который получен в результате исследования интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга. Работа проводилась в течение нескольких лет (1994—1996 гг.) под руководством проф. С. А. Кутеля. Мы оставляем в стороне вопрос о целях исследования, об индикаторах элиты и пр. и анализируем данные, полученные в результате глубокого интервьюирования представителей интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга. Всего было опрошено 30 академиков и членов-корреспондентов РАН. Материалы интервью мы уже представляли в докладах и статьях(1). Но, тем не менее, размышления наших респондентов столь глубоки и интересны, что названные публикации не исчерпывают их содержания.

Тема симпозиума "Социальные и политические ориентации элиты Санкт-Петербурга" диктует ориентиры нашего анализа материалов интервью. Подавляющее большинство респондентов сознательно или неосознанно дистанцировались от политической злобы дня, лишь в редких случаях выходя на нее: "Если бы мне доверили управлять страной, справился бы. Надо только просчитать прогноз каждого конкретного решения. Больше ничего сложного в этой работе нет". Такого рода рассуждения построены в духе наивной уверенности рационалистов прошлого: "все считаемо".

Социальные интересы наших собеседников иные. Они обнаруживаются в их повседневной профессиональной деятельности, которая осуществляется в разных аспектах. Это — исследование, преподавание, организация и управление наукой.

Исследовательская деятельность является не только решением когнитивных задач ("удовлетворение любопытства"), но и выполнением осознаваемого социального долга. Решая когнитивные задачи (свободный поиск научной информации, создание нового научного знания, рациональное теоретико-понятийное воспроизведение действительности и др.), интеллектуальная элита выходит к социальному действию, прогнозируя возможное развитие событий, включается в социально-практическое пространство.

Еще более определенно звучат социальные мотивы в преподавательской деятельности наших респондентов. Сами ученые нередко заявляют о том, что не хотели заниматься преподаванием ("это не простая проблема, в наших условиях преподавание не дает возможности заниматься наукой"). Однако большинство уверено, что научно-исследовательскую и педагогическую работу необходимо совмещать ("академики обязательно должны участвовать в педагогическом процессе"). Более того, они считают, что преподавание необходимо им самим ("оно расширяет кругозор"; "в спецкурсах можно изложить последние новинки, в общих курсах — узловые идеи"; "в процессе преподавания происходит осмысление и систематизация материала").

Но самым существенным, на наш взгляд, является то, что элита осознает необходимость работы со студентами как свой социальный долг, социальную ответственность перед прошлым и будущим науки. Именно в преподавании реализуются важнейшие социальные интересы интеллектуальной элиты — сохранение и преемственность идей, знаний, методов, традиций, этических норм — всего того, что обеспечивает жизнь науки.

Социальные ориентиры интеллектуальной элиты замыкаются и на научно-организационные, управленческо-административные задачи. Не стремясь к высоким постам, но осознавая социальную ответственность, крупные ученые занимают эти должности в системе организации и управления наукой ("организационной, административной работой не хотел бы заниматься, так как считаю, что это будет в ущерб науке"; "готовим ученых, а затем используем их как управленцев, это расточительство"). Понимая тяготы административной работы, ученые, тем не менее, выполняют ее, движимые чувством долга, нравственной и социальной ответственностью.

Наука как социальный институт функционирует в системе "наука — общество". Естественно, что проблема взаимоотношения науки и общества задает определенные

социальные ориентиры академической элиты. Наши респонденты озабочены кризисным состоянием науки, размышляют о его причинах и путях преодоления сложившейся ситуации ("наука не зарабатывает на свое существование, тем более фундаментальная"; "сейчас государство само точно не знает, что ему нужно, у него нет обоснованной научной политики"; "сегодняшнее бедственное положение науки связано с общенациональным политическим и экономическим кризисом").

В начале статьи мы обратили внимание на некоторую политическую индифферентность наших респондентов. Но логика их размышлений и профессиональной деятельности ведет от узко ориентированного научного интереса к социокультурным, политико-экономическим проблемам современной России.

Сегодня нередко звучат слова: "Науки и университетов в России слишком много, России не нужно так много науки". Интеллектуальная элита уверена в ином — "наличие фундаментальной науки — признак развития нации. Для того чтобы в государстве развивалась наука, должна существовать культурная традиция. В России эта традиция всегда существовала".

Вывод напрашивается с определенностью: интеллектуальная элита осознает свои социальные цели, интересы, долг. Но реализовать свое высокое предназначение она сможет при условии, что, как говорил русский философ Г. П. Федотов, "ныне поставленная на колени перед властью и народом... элита... должна потребовать и уважения к себе, должна научиться бороться за свое собственное достоинство и право... Она должна занять в обществе подобающее ей место... Место первого среди равных"(2).

Литература

1. Ломовицкая В. М., Петрова А. Т., Фомин А. С. Механизмы использования потенциала, формирования и сохранения интеллектуальной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2, кн. 1.— СПб, 1994.
2. Ломовицкая В. М., Петрова Т. А. Исследование и преподавание (мнение академической элиты) // Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования: Тезисы докладов Международной научной конференции 1—3 июля 1996 г. СПб., 1996.
3. Феготов Г. П. Создание элиты (Письма о русской культуре) // Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 221.

О. М. Зусман, Т. В. Захарчук

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ

Продолжающееся расслоение общества, вызванное социально-экономическими и политическими изменениями, усилило интерес к изучению элиты, ее роли как в обществе в целом, так и в отдельных социальных и профессиональных группах. Сегодня можно говорить о необходимости выявления и изучения не только общегосударственной элиты, но и региональных, отраслевых, этнических и т.п. локальных элит. В свою очередь это вызывает необходимость в описании информационной базы подобных исследований. Выявление и изучение элит на основе информационных источников связано с тем, что традиционные социологические методы в этих случаях не всегда применимы.

Выявление общегосударственной интеллектуальной элиты — задача сравнительно легкая, ибо определены ее атрибутивные признаки (академические звания, занимаемые должности и т.д.). Сравнительно легко и изучать такую элиту, так как многим ее членам посвящены монографии, статьи; их деятельность активно обсуждается средствами массовой информации.

Иное дело — выявление и изучение локальных элит. Отнесение отдельных личностей к локальной элите не столь очевидно и требует доказательств. Особенно трудно выявить те или иные факты их личной и научной биографии. Однако изучение именно локальных элит и представляется наиболее интересным, так как позволяет проводить сравнительные исследования (например, элит разных регионов, областей науки и отраслей промышленности).

В связи с этим встает вопрос об информационной базе выявления и изучения профессиональной деятельности региональной научной элиты. Представляется, что все источники можно разделить на две основные группы.

Первую образуют традиционные источники, предоставляющие чаще всего основные фактографические сведения: разнообразные биографические справочники и базы данных, биографические справки в энциклопедиях, в справочном аппарате монографий.

Ко второй группе представляется необходимым отнести источники, которые напрямую не предоставляют каких-либо фактографических сведений, но позволяют моделировать особенности творчества ученых с использованием библиометрических методов.

Одним из традиционных источников выявления элит и анализа их деятельности являются справочники типа "Кто есть кто". Они могут носить как международный и государственный, так и региональный и отраслевой характер. В последние годы число подобных справочников в России резко возросло. Наряду с отраслевыми стали выходить и справочники тематического характера, собирающие сведения об ученых, работающих в отдельных научных направлениях и проблемах. Во многих регионах России вышли универсальные региональные справочники, включающие большое число биографических сведений о ведущих ученых, работающих в крае, городе, области. В ряде случаев они носят характер ежегодников, что позволяет следить за обновлением элит.

Следует отметить, что зачастую составители справочников субъективны при отборе включаемых лиц. Иногда это связано с политической позицией составителей, иногда с требованиями заказчика, а иногда и просто с их личными вкусами. Поэтому при анализе подобных справочников целесообразно обращать внимание на сведения об организации, участвовавших в их издании.

Наряду с изданными справочниками широкое распространение получают биографические базы данных, имеющие обычно универсальный характер. Сегодня подобные базы в основном создаются редакциями средств массовой информации. Они включают сведения о большом числе лиц, вошедших или имеющих шансы войти в элиту. Отличительной особенностью этих баз данных является их постоянная актуализация. Практически всегда они дополняются фондом публикаций как самих представителей элиты, так и документов, им посвященных. Такие базы данных становятся все более доступными для

исследователей (особенно в связи с тем, что многие из них доступны по электронным сетям связи).

Информационная база выявления и изучения научной элиты имеет определенную специфику, т.к. практически все результаты творчества ученых и научных коллективов зафиксированы в публикациях. Именно на анализе документального потока сегодня и строятся основные методики выявления научных элит разного уровня.

Наиболее продуктивным для выявления элиты представляется библиометрический подход, который по своей сути является промежуточным между экспертными и атрибутивными методами оценки (1,2). С одной стороны, он основан на атрибутивных методах оценки (высокая цитируемость, количество статей в престижных журналах, число изданных монографий и т.п.), с другой — это всегда результат предыдущей экспертной оценки (цитирование — факт оценки работы ученого научным сообществом; публикация статей — рецензентом и редактором и т.д.). Недостатки библиометрических методов связаны с трудоемкостью их реализации, хотя наличие и упрощение доступа к современным базам данных может значительно снизить это ограничение. Важным достоинством библиометрических методов представляется возможность стратификации ученых и научных коллективов на основе количественных показателей.

Библиометрические методы позволяют моделировать самые разнообразные аспекты деятельности ученых, предоставляя возможность анализировать их деятельность как в течение всей творческой жизни, так и на любом из конкретных ее этапов.

Изучение информационных источников позволяет, например, определить изменение продуктивности ученого и тематики его исследований во времени, особенности коллективного творчества в разные периоды деятельности, особенности профессиональной мобильности ученого, охарактеризовать его участие в системе научных коммуникаций (т.е. участие в научных собраниях, редколлегиях журналов), изучить круг профессионального чтения (по спискам литературы, процитированной в его публикациях). Одновременно можно охарактеризовать интерес, проявляемый к творчеству ученого представителями разных областей науки, разных стран (интенсивность и характер цитирования работ ученого, переиздание основных работ, перевод на иностранные языки). Также можно получить сведения о педагогической деятельности представителей элиты (наличие учебников, учебных программ, количество диссертаций, защищенных под руководством ученого и т.д.). Анализ массовой печати позволяет охарактеризовать участие деятеля науки в политической и общественной жизни.

Наиболее удобными для проведения такого анализа представляются библиографические ресурсы. Прежде всего, это: биобиблиография, универсальные и отраслевые базы данных и библиографические пособия, каталоги и картотеки крупных универсальных и отраслевых библиотек.

Однако наиболее эффективными источниками, позволяющими выявлять и исследовать научные элиты, нам представляются базы данных Института научной информации (США). Это — прежде всего указатели цитируемой литературы — Science Citation Index и Social Science Citation Index, предоставляющие сведения о наиболее значимых публикациях ученых разных областей науки и о частоте и характере цитирования трудов ученых.

Таким образом, мы имеем реальную возможность для ведения на основе библиографии широкомасштабных сравнительных исследований научной элиты региона, позволяющих получить достаточно представительные и достоверные результаты. Опыт подобных исследований для Санкт-Петербурга изложен в работах (1,2,3).

Литература

1. Гарфилд Ю. Можно ли выявлять и оценивать научные достижения и научную продуктивность // Вестник Академии наук СССР. 1982. № 7. С. 42—50.
2. Зусьман О. М. Методы выявления современной научной элиты в Санкт-Петербурге. Особенности творческой деятельности научной элиты Санкт-Петербурга: библиометрический анализ // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 1. СПб., 1993. С. 28—45.
3. Зусьман О. М. Библиометрическое выявление факторов, способствующих формированию научной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1994. С. 49—62.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- И. Э. Барский** — руководитель экспертной группы Законодательного Собрания СПб.
- А. С. Быстрова** — ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии наук, кандидат экономических наук.
- И. Г. Васильев** — старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем Российской Академии наук, кандидат философских наук.
- А. А. Вейхер** — заместитель начальника отдела Администрации Санкт-Петербурга, кандидат экономических наук.
- В. Б. Голофаст** — заведующий сектором Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии наук, кандидат философских наук.
- В. Я. Гельман** — научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии наук, кандидат экономических наук.
- А. В. Дука** — заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии наук, кандидат политических наук.
- Т. В. Захарчук** — научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники Российской Академии наук, кандидат педагогических наук.
- О. М. Зусьман** — доцент Санкт-Петербургской государственной академии культуры, кандидат педагогических наук.
- А. С. Кармин** — профессор Санкт-Петербургского университета путей сообщения, доктор философских наук.
- С. А. Кутель** — руководитель Центра социолого-наукоеведческих исследований Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники Российской Академии наук, профессор, доктор философских наук.
- В. М. Ломовицкая** — доцент Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат философских наук.
- Т. А. Петрова** — доцент Санкт-Петербургской государственной академии культуры, кандидат философских наук.
- А. А. Сарно** — доцент Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, кандидат экономических наук.
- А. В. Чугунов** — Санкт-Петербургский государственный университет.

Санкт-Петербургский научный центр РАН
Международная школа социологии науки и техники
Фонд им. Ф. Эберта
СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЭЛИТЫ
Материалы к международному симпозиуму.
Санкт-Петербург.

25—26 июня 1997 г.

Отпечатано в количестве 100 экземпляров при поддержке Фонда имени Ф. Эберта.

© Авторский коллектив, 1997

© ООО издательство "ПИЛИГРИМ", 1997

Издательство
"ПИЛИГРИМ"
ЛР № 064493

Типография "Марс". Санкт-Петербург.